

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Половцевой Яны

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Рок-н-ролл под Кремлем. Книга 3. Спасти шпиона : [роман] /Данил Корецкий. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 576 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-097481-8

Взять под контроль секретные каналы связи Кремля — вот задача, которая поставлена ЦРУ своему шпиону. В помощь ему отправляется один из лучших агентов американской разведки, специалист по России и тайным операциям.

Проникнуть под Кремль можно только снизу, через опасные и запутанные лабиринты подземной Москвы.

Сумеет ли молодой офицер-контрразведчик Юрий Евсеев справиться с асами шпионажа и выиграть последний раунд «рок-н-ролла под Кремлем»?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097481-8

© Корецкий Д. А., 2011
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ГЛАВА 1

Знакомство в «Козероге»

20 октября 2002 года, Москва

Темнело рано и быстро. И так же быстро холодало. Брр. Пряничная, сдобная Москва, какой она казалась при солнечном свете, когда сидишь в пельменной с пацанами: по бутылке белой на рыло, горы пельменей, да каждый что-то умное базарит, задушевное, — в этот сумеречный час она наливалась камнем и свинцом, отодвигалась как бы... Чужела.

«„Чужела“ или „чуждела“? Как правильно? — подумал Попугай. — Или „чужала“?..»

В голове у него, как всегда, был бардак. И ему было холодно.

— Так чего? Может, печку? Холодно, а? — отрывисто каркнул он.

— Нельзя. Сядь, не горлань, — сказали ему.

Это Клин, он из-под Саратова. В бригаде с позапрошлого года, неоднократно ходил на «стрелки» и потому сейчас за старшего. А Барбос — из Гродно. Он тоже с позапрошлого, но в «стрелках» не участвовал, он такая же сявка, как и Попугай. Они втроем сидят в «жигуленке», припаркованном в узком, как пенал, темном дворе. Ждут. Салон давно остыл. Попугай смотрит, как опускаются на город сумерки, и слушает гиен, которые скулят и тьякают в зоопарке. Зоопарк здесь совсем неподалеку. А гиенам, видно, тоже холодно, они ведь в Африке должны жить. В Африке жара. А в Москве гиенам холодно.

Клин с Барбосом играют в «очко» на заднем сиденье, а Попугай сидит и нервно зевает, и ему постоянно хочется ссать. Ему холодно, потому что Попугай, как и эти гиены, родился далеко отсюда. В жарком и пыльном городе на берегу Каспийского моря.

— Я бы глынул чего-нибудь,— сказал Попугай просто так.

— Никаких «глынул»,— проворчал Клин, открывая свои карты. Барбос опять проиграл.— Если каждый начнет бухать на рабочем месте... Тут такая хуеплеть заварится...

Он еще два или три раза повторил «такая хуеплеть», потому что у них начался новый кон и Клин воткнулся в карты, постепенно забывая, о чем шел разговор.

— Пойду пройдусь. А? — сказал Попугай.— Ноги затекли.

— Сиди, дурак,— сказал Барбос.

— А чего? Отлить надо.

Клин глянул на Барбоса, потом на Попугая. Клин не любил, когда младшие по званию командовали в его присутствии.

— Далеко не ходи,— сказал Клин.

— Ладно,— сказал Попугай.

Он вышел из машины и пошел по подъездной дороге вдоль дома. Он почему-то вспомнил Суржика: тот тоже любил навести шороху, строил из себя крутого, хотя сам был смятой и навсегда смятой останется. Но Суржик делал это не со зла, просто прикалывался. После той заварухи с кассетой он умудрился целый месяц продержаться в Москве, пока не попался во время облавы в Лужниках. Ему отбили почку и отправили на родину, куда-то в Херсон, кажись. Босый с Пивняком сейчас в Николаеве, там у Пивняка родня. А Демид повесился. Это Демид привел его, Попугая, в эту бригаду. Помог с поезда бежать, они вместе бежали. А потом повесился после «стрелки» в Тушино. Про тушинскую «стрелку» в газетах даже писали, два трупа было. А потом еще Демид повесился. Или его повесили. Неясно. Теперь Попугаю даже поговорить не с кем.

Если вот так идти и идти, дальше по этой дорожке, пересячь двор и повернуть направо — там будет кафе. Кафе называется «Козерог». Там тепло, накурено и громко играет музыка. Попугай никогда не был в «Козероге», но во всех заведениях, которые он успел посетить в Москве, было накурено, и громко, кайфово, играла музыка.

Он хотел в этот «Козерог».

Но туда нельзя. И далеко уходить нельзя. Они ждут звонка, Клину должны позвонить на мобильный. Если все в порядке, ему позвонят, и тогда надо будет встретить одного человека, который выйдет из «Козерога». Этот человек будет сыт и пьян, а в карманах деньги и, главное, золотой песок. Старатель откуда-то с Севера. Приехал сбить золотишко, а кто-то дал на него наводку. Жалко мужика.

Темнота сгущается, на серых глыбах многоэтажек проступают веселые желтые квадраты. В квадратах мелькают лица, сдвигаются-задвигаются шторы, открываются-закрываются двери холодильников, идет чья-то жизнь. Попугай оглянулся по сторонам, зашел за дерево и помочился. Он часто мочится — это от холода и нервов. А Клину с Барбосом хоть бы хны — сидят, режутся себе в удовольствие. Но они в бригаде с позапрошлого года, а Попугай тут без году неделя. Он вообще в другой бригаде работал, в строительной бригаде, и кличка у него была — Говорящий Попугай. Говорящий!.. Да уж. Это здесь он стал просто Попугаем. Потому что говорить и в самом деле стало не с кем.

Попугай вспомнил: жаркий июльский полдень, гостиница «Интурист», туман из цементной пыли на коридорах, где ведутся работы по демонтажу. Пыль в волосах, на зубах, пыль оседает на потном теле и стекает грязными ручейками в трусы. Хочется встать под холодный душ и не выходить до позднего вечера, пока солнце не утихомирится. Красота! Да, сейчас Попугай дорого бы дал, чтобы еще раз прожить тот горячий июльский денек. Во-первых, согрелся бы. Во-вторых, отобрал бы у Толика-бригадира ту поганую кассету и разломал бы на мелкие кусочки. Об его голову и разломал бы...

Тогда ничего не было бы — ни разборки в ФСБ: что за кассета, откуда, а может, это вы сами, ребята, ее подкинули? Разговор он вроде шутейный, только потом каждого не шутейно проверять начали: кто, откуда, где миграционная карта...

Не было бы последовавших за этим дурацких объяснений в службе миграции и трех суток в камере с туркменами и молдаванами, не было бы переполненного вагона «Москва—Душанбе», где по два мента на каждый вход-выход, и один дежурит у уборной...

Может, не надо было бежать оттуда?

В его родном городе сейчас еще тепло, почти как летом, рыбный сезон, мужики ночей не спят, «крючьями» устье пере-

гораживают, добывают осетра... Кто его знает, может, и не надо было. Это его Демид подбил. Подбил, а потом повесился. Или повесили свои же. Вот Клин — этот мог повесить, он способный. А Попугай — нет. Не смог бы. В нем метр девяносто росту, у него длинные сильные руки и длинный нос, смятый в давней-предавней драке на пристани, из-за которого он и в самом деле похож на какую-то экзотическую птицу. Но вот только мозгов у него совсем немного. Может, и в самом деле, не надо было сбегать? Каждый зверь живет там, где родился. И живет, и умирает. А здесь, в Москве, Попугаю холодно и уютно.

Послышался тихий свист.

Попугай обернулся: в «жигуленке» затлел голубой огонек мобильного. Он затрусил к машине.

— Чего?

— Я ж сказал тебе: далеко не ходи.

Клин говорил через открытое окно автомобиля. Он жевал зубочистку, а это значило, что Клин нервничает. Попугай внимательно следил за острым кончиком зубочистки, прыгающей из одного угла рта в другой.

— Ну.

— Ну, ну. Сядь вон там, на скамейке. Сиди и жди... Что делать — знаешь?

— Да, — сказал Попугай.

Он знал, он выучил все наизусть. А толку-то... Добывать клиента — это тебе не осетра с крючьев снимать... и не паркетный пол вскрывать, или там демонтировать санузел. Это куда сложнее. Хотя для пацанов все наоборот.

* * *

Шеф-повар Матвей Хабибулович считал, что сварить сосиску — вот так просто взять и сварить в обычной воде, — это кощунство, акт вандализма, это как пьяным залезть на красивую девушку, тупо использовать ее и, отвернувшись, заснуть. Поэтому вареных сосисок в «Козероге» никогда не подавали. И не подадут, если даже вы очень попросите. Варите сосиски дома, пожалуйста, идите и варите на здоровье. И вообще — в «Козероге» вы не найдете никакой здоровой пищи.

Сосиски жарятся в кипящем сале, так что они, бедные, трескаются по всем швам и покрываются коричневым зага-ром; шашлык готовится не в белоснежной электро-шашлычнице от «Miele», а в закопченном мангале на заднем дворике, и холестерин просто капает с каждого кусочка; обычный чахохбили, из цыпленка содержит в себе такое количество жгучего перца, что глаза лезут из орбит, а рука лихорадочно ищет бокал пива... Кстати, кроме пива, сосисок, шашлыка и чахохбили, здесь ничего не подают. Ну, разумеется — лук, петрушка, помидорчик, хлебушек... Это законно, это как и везде. А больше ничего.

Но постоянным посетителям «Козерога», как правило, ничего больше и не нужно: люди молодые, здоровые, они диет не придерживаются. Да и приходят сюда, как правило, не поесть, а потусоваться среди своих или приобщиться к тем, кого хотел бы считать «своими». Как к себе в кухню, где все за-просто, без говенных гламурностей. Общение. Ритуал принадлежности к клану диггеров. Или прикосновение к экзотике. Отметился — и рассказывай друзьям: «Завалил вчера в „Козе-рог“, там рядом Леший сидел, пиво пил...»

Леший действительно сидел, пил пиво и чувствовал себя на седьмом небе. Как блудный сын, вернувшийся из дальней опасной поездки под домашний кров, в родную кухню, где полный холодильник жратвы, пива и где тебе рады. Он просто отдыхал. Вбирал родные запахи. Узнавал родные лица. Отвечал на приветствия.

— Где пропадал? Чего такой худой?

— Ну, дела... Так надо было.

Что-то ему надо было там, за пределами вот этого привычного круга, освещенного такими родными тускло-оранжевыми плафонами. Что-то он там искал. Вот только ничего покамест не нашел.

— ...Хоть бы адрес оставила новый, дура, телефон какой-нибудь, — взволнованно бубнил над ухом Хорь. — Вообще ничего. Дура последняя, идиотка, говорю. А Светка мне: сам дурак. И пошло-поехало...

— Подожди, — очнулся Леший. — Светка... Какая еще Светка? Ты же про Ритку рассказывал.

— Светка — ее сестра двоюродная. В Днепропетровске. — Хорь с подозрением посмотрел на него. — Я со стеной разгова-

риваю, что ли? Битый час уже толкую: Ритка полетела к Светке. В Днепропетровск. Доходит? Неделю жила у нее, вообще из дома не выходила. Подруги там, дискотеки — все по барабану. И со Светкой почти не разговаривала, а они ведь не разлей вода, две оторвы... по телефону как зарядят на полтора часа... А потом Светка раз возвращается с работы — а вещей Риткиных нет, записка на столе: «Не ищи, не беспокойся, спасибо за все...» ошутил наконец?

Леший успел не спеша допить свой бокал — первый за этот вечер, на девственно-тоший желудок, — проткнул вилкой сосиску, услышав знакомый упругий хруст, который мерещился ему во время скитаний по подземельям. Затем хорошенько повозил сосиску в лужице томатного соуса, откусил, еще повозил, еще откусил, отправил в рот кусочек хлеба, смоченный в уксусе, затем лист салата, кружок маринованного огурчика... И придвинул поближе второй бокал.

— Ну и что? — сказал он. — Ну, дура, согласен. Значит, кирдык твоей холостой жизни. Может, она уже в Москве, дома котлеты жарит. Сходил бы, проверил.

— Хрен-с-два котлеты, — мрачно парировал Хорь. — Она там, в Днепропетровске своей драной...

— Откуда ты знаешь?

— Светка видела ее. С профессоршей одной, из иняза. Курвища такая, ее весь город знает... Главная лесба в городе, у нее там целый клуб по интересам...

Леший поморщился: ну что за херню ты несешь, товарищ? Это даже как-то несерьезно... Он смотрел на Хоря, а Хорь с упрямо-отсутствующим видом наблюдал, как за соседним столиком какой-то провинциальный хмырь, покрытый южным загаром, мрачно пил пиво в окружении хохочущих и перекрикивающих друг друга неофитов и неофиток.

— Какая еще лесба, Хорь? Очнись! — сказал Леший. — Ты слышал, что очередного бомжа нашли в тепляке возле Казанского вокзала? Опять с пулей в животе. Среди них паника, даже в обычный люк бояться спуститься...

Хорь посмотрел на него, громко цыкнул зубом, сложил пальцы обеих рук в щепоти и энергично постучал себе по голове.

— Лесба! — тщательно артикулируя каждую согласную, прошипел он. — Ритка! Лесба! Трахается! С жирной! Профессоршей!

Леший принялся за второй бокал, отпил половину. Второй бокал был ненамного хуже первого. Какие там еще лесбы... Нашел Хорь себе проблему. Еще неделю назад они считали за счастье просто ходить под этим рыжим осенним солнцем. Просто идти, куда хочешь. Солнце, дождик, опавшие листья под ногами... При чем тут какие-то лесбы? Жива-здоровая Ритка — ну и ладно! Мы тоже живы-здоровы — прекрасно! А вот кто и зачем бомжей мочит — непонятно. Кому они мешают? В смысле, настолько — чтобы убивать, расстреливать в живот?

Хотя, с другой стороны, бомжи далеко, а Ритка... Такая привычная Ритка, нормальная девчонка, всегда по уши влюбленная в своего ненаглядного Хоря, даже когда он, свинья, приползает после недельного загула и устраивает дома военный переворот... И вот раз — она с какой-то теткой. Блин! Вроде как пол поменяла. Была Ритка, стала... хрен знает кто.

— Слушай,— сказал Леший.— Я вот что думаю: пока не поговоришь с ней самой, пока точно все не узнаешь — не паникуй. Не закливайся. Я бы даже...

— Ты что, дурной? — перебил его Хорь.— Я не собираюсь с ней говорить. О чем нам говорить? О радостях этой, как ее... гетеросексуальной жизни?

— А-а,— сказал Леший.

Третий бокал. Родниковая водичка, солод, хмель. Божественный напиток. Он отодвинул кетчуп и выдавил на загорелую сосиску зеленую дорожку из горчицы.

— Это что значит — я ее неправильно трахал? — все не успокаивался Хорь.— Значит, это я ее до такой жизни довел?

— До какой жизни? — сказал Леший.

— Ну. До такой!.. Ты что, опять не слушаешь? А-а...

Хорь махнул рукой, резко встал и направился к выходу. Из-за дальнего столика ему навстречу выдвинулась чья-то приветствующая ладонь, Хорь небрежно хлопнул по ней и вышел из кафе. До свиданья. Пошел искать утешения у студентов юридического факультета.

Вот она, регенерация, подумал Леший. Всепобеждающая регенерация жизни. Скоро сорок дней будет по Томилину. Всего сорок дней прошло. Как они переполошились тогда с Хорем... Взрывы, стрельба, засады. Прятались, дрожали, жалели Тома, которого они и вовлекли в это говно... Но для Тома все позади, и смерть он принял мужественно, как подобает

офицеру... А что будет с ними, какой смертью они умрут — это было тогда неизвестно. Впрочем, жить в постоянном напряжении невозможно, и прятаться всю жизнь невозможно, и вот прошло время, и кровотокающая прореха стала затягиваться, и они снова стали выходить на люди... Радоваться простым вещам, а теперь еще и расстраиваться из-за всякой ерунды. Ре-генерация, одним словом.

— У вас свободно? А то этот молодняк меня достал!

Леший поднял голову. Перед ним стоял загорелый хмырь из-за соседнего столика. В руках бокалы с пивом — штук десять, наверное. «Ну и лапы», — подумал Леший.

— Свободно, — сказал он. — Я тоже скоро уйду.

Хмырь кивнул и уселся, отгородившись бокалами. Леший глянул на соседний столик — никто там почему-то больше не смеялся, молодые парни и девчонки, корчащие из себя крутых диггеров, явно погрузтели.

— Чего ты им сказал, что они скисли? — от нечего делать спросил Леший.

— Так... Рассказал одну историю, — нехотя процедил хмырь и залпом выпил свое пиво.

Леший пожал плечами и отвернулся. Рассказал, и рассказал, дело хозяйское. Он с сомнением глянул на свой четвертый бокал. Что-то уже и не так хотелось, настроение пропало. Пойти домой, что ли? Последние два дня он усиленно наводил порядок после визита неверовских: мыл и драил, пылесосил и проветривал, изгоняя их жестокий дух и злые флюиды. Но что-то, по-видимому, все-таки осталось... Короче, идти домой не хотелось еще больше, чем не хотелось пива.

— Они в «Камеру пыток» собирались, — неожиданно подал голос сосед. — Пятнадцать пива, три водки на семерых и по бутылке джин-тоника с собой...

В руках у него оказалось яйцо, он легонько пристукнул по острому концу, словно уронил чугунный указательный палец, и скорлупа тут же раскололась.

— И по бутылке джин-тоника, — повторил он. — Это у них вместо фонарей и тросов...

«Камера пыток» находилась в известковых каменоломнях на Берсеневской набережной. По легенде, там допрашивал заговорщиков сам Малюта Скуратов. Один из самых посещае-

мых объектов подземной Москвы, — хотя новичкам, особенно подвыпившим, соваться туда, конечно, нечего.

Леший глубокомысленно промычал под нос: «Бывает...»

— Я отговаривал было, а они только пуще заводятся. — Хмырь деловито очищал яйцо, бросая скорлупу в пустой бокал. Когда он успел опустошить этот бокал, Леший не заметил. — Тогда я им байку про Белого Спелеолога рассказал. Подействовало... Остыли мгновенно. И даже расстроились. Особенно девчата. Уж очень им Спелеолога этого жалко...

Леший знал много баек, но там в основном фигурировал черный цвет — Черный Альпинист, Черный Человек, Черный Диггер. Про Белого Спелеолога он не знал, да и знать не хотел.

— Это у нас в Керчи такой случай был, — пояснил хмырь. — Секретарь райкома, короче... его дочка и хлопец Паша. И горшок серебра сарматского. Ну? Не слышали?

Леший вздохнул. Пора идти, наверное.

— Слышал, — соврал он.

Хмырь неожиданно протянул через столик загорелую, похожую на черное узловатое бревно руку:

— Миша.

Ладонь и в самом деле была размером с лопату. Лешему вдруг вспомнились невероятские хлопцы-удальцы. А что, если?.. Но руку пожал.

— Алексей.

— Очень приятно. Давайте за знакомство, что ли...

Хмырь по имени Миша обернулся, что-то ища, но, видимо, не нашел. «А-а, вспомнил. Один момент...» Поднялся, прошел к соседнему столику и снял со спинки стула выдавший виды рюкзачишко. Что-то сказал грустным неофиткам, вызвав на их лицах вспышки нежного румянца. Вернулся, достал из рюкзака две банки «Гиннеса» и выставил их на стол.

— Во. Чуть не забыл... Пили такое? Оно дорогое и хлебом пахнет. Угощайтесь, Алексей...

Миша держался очень уважительно, и Лешему это нравилось. Хотя, с другой стороны, настораживало: вежливость в их кругах была крайне редкой гостьей.

Вслед за банками Миша бережно извлек наружу явно старинный фолиант в потрескавшемся кожаном переплете, положил перед собой, с треском открыл банку и тонкой струйкой пустил в рот ее содержимое. Запахло свежим хлебом.

Леший сглотнул. Но не от запаха «Гиннеса». Он как за- гипнотизированный смотрел на толстую книгу: «Описи московской старины», составленные статским советником Бояриновым. Неужели? Да нет, не может быть! Легенда особо продвинутых «знающих» была отпечатана в тысяча восемьсот сорок четвертом году в типографии Шплеера, тиражом двести пятьдесят экземпляров. Про нее все слышали, но никто никогда не видел. И чтоб она так внезапно всплыла в «Козероге» из рюкзака какого-то хмыря...

Миша опустошил банку и смял ее в комок, будто использованный бумажный стаканчик. Потом раскрыл тяжелый переплет и принялся бережно просматривать желтые по краям страницы.

— Это... это что? Не «Описи» Бояринова?

Не отрываясь от фолианта, Миша удовлетворенно ухмыльнулся.

— Точно. Описи его благородия Бояринова Степан Константиныча. Это из-за них я приехал за тридевять земель. Да вы попробуйте пиво-то!

— А можно глянуть? — неловко попросил Леший.

— Конечно. А чего ж... Это здесь у вас все друг на друга косятся с подозрением, а у нас по-другому люди живут, — Миша бережно протянул книгу через стол.

Леший не собирался пить с ним «Гиннес» и слушать байки о Белом Спелеологе тоже не собирался, и вообще только ждал повода, чтобы встать и уйти. Но «Описи» — это другое дело. Если те самые, конечно...

Он взял том и раскрыл на шмуцтитуле. Посеревшая от времени тонкая и хрупкая бумага, полустертые, выцветшие экслибрисы на внутренней стороне переплета: «Личное собрание кн. В. Ф. Одоевского», «Библиотека Г. Е. Грум-Гржимайло», «Архив Ярославского губисполкома»... Нет, не подделка. Не розыгрыш. Те самые знаменитые «Описи», практически весь тираж которых погиб во время пожара на шплееровских складах, — за исключением десятка экземпляров, которые хранятся сейчас в частных коллекциях, и даже репринт ни разу не делался по какой-то загадочной причине...

— Откуда это у вас? — спросил Леший, подняв глаза на собеседника. Он мог бы еще добавить, что многие серьезные диггеры продадут душу, чтобы заполучить эту книгу хотя бы на

ночь, и что ей нет цены, и что... Но распространяться об этом почему-то не хотелось.

— Купил,— усмехнулся Миша.— Через Интернет списался с одним московским... гражданином. Он давал гарантии. И цену запросил высокую. Полгода вели торг, пока скинул пару тысяч...

Леший пожал плечами и промолчал. Он никогда не видел в Интернете подобных объявлений. Странно. Просто повезло, наверное, что тут говорить.

— Нас пять человек, жизненный уровень высокий,— Миша открыл вторую черную банку с «Гиннесом», ловко послал через весь столик к Лешему.— Каждый дал сколько мог, а меня уполномочили сделать покупку.. Ну, вот я приехал.

«„Уполномочили“ его... Наверное, чиновник. „Жизненный уровень высокий...“ Так и шпарит казенными оборотами, уполномоченный ху...в».

— А зачем вам эта книга? — спросил Леший.— Там же сплошная Московия. Бояринов в Керчи не был, это только у Нордмана и Гриция что-то можно найти...

Миша рассмеялся, обнажив на редкость белые здоровые зубы.

— Ну, скажем так: золотого коня Митридата мы уже искали. Хватит. И винные погреба графа Воронцова тоже... Детский сад это все. Аджимушкой, Багеры, Старый Карантин и даже «К-29» в Одессе... Все это мы уже видели. За семь лет — старая масляная лампа, горсть стеклянных византийских бус и целый арсенал «дегтярей» со времен Великой Отечественной. И бесконечные разборки то с ментами, которые за «черными копателями» охотятся,— туда со всей России съезжаются подонки всякие! — а то и с самими этими «копателями»... Мы их «стервами» зовем, «стервятниками». Еще «суками». Вот кому у нас раздолье. Оружия много, барахла всякого военного, особенно у нас в Аджимушкае. Там ведь десять тысяч народу полегло, половина из них до сих пор там и лежит... «Суки» из черепов золотые коронки выбивают, сплавляют в слитки. «Суки» они «суки» и есть...

Миша выставил перед собой очередную кружку, Леший поднес черную банку, чокнулись. Отпили. Действительно очень вкусно...

— Ну, а мы другое ищем,— продолжил Миша.— Мы больше археологи, наверное...— Он усмехнулся и повторил: — На-

верное... Да. Нас культурный слой интересует: золотишко, серебро, бронза, а не «ржавые дегтяри».

— Один митридатовский конь решил бы все ваши проблемы,— заметил Леший.

Миша снова рассмеялся, хотя Лешему не показалось, что он очень уж удачно сострил. Он и не острил вовсе.

— Нет никакого коня,— сказал Миша.— А если и был, то давно сплыл. Знаешь, с каких времен «бугровщики» и «курганщики» у нас работают? Четыре века, если не больше. Там династии целые. А на нашу долю только бусы да «дегтяри»...

— Зато здесь — Иван Грозный со своей библиотекой.

На этот раз Леший сострил. Но Миша почему-то не отреагировал.

— А кто эту библиотеку искал-то? — сказал он вполне серьезно.— В десятые годы дернулись, потом в тридцатые — и все. Ты даже не сравнивай... Хотя у вас и столица, но по сравнению с Воронцовскими пещерами — это просто заповедник, Амазонка... Ты что, не был там ни разу у нас — в Керчи, в Аджимушкае?

Леший покачал головой. Что-то ему с трудом во все это верилось. Он взболтнул свою банку — там осталось не меньше половины. Миша же свою кружку давно выпил и взялся за следующую.

— Ничего не потерял,— сказал Миша.— Фуфла много. Романтики всякой. А настоящего дела нет. И тесно становится. Так и норовят за горло взять.

— Здесь тоже случается, что друг другу на пятки наступают.

Миша приподнял брови, хмыкнул:

— Ну, ясен пень... Ничего, я с «суками» научился разбираться, любого уговорю.

Словно вспомнив о чем-то, он убрал со стола книгу, завернул в полиэтилен и сунул обратно в рюкзак.

— Всерьез надеешься озолотиться с ее помощью? — сказал Леший.

— Вот уж не знаю!..— Миша пожал плечами.— Бояринов и сам был не дурак, да и не инвалид вроде. Если бы знал точно места — пошел бы и взял, что надо. И не надо тогда книжки всякие писать...

— Так ведь не взял.

— Не взял,— согласился Миша.— А почему? А потому что комиссия государева, в которой он служил, распущена была в

январе сорок второго высочайшим повелением. И — все, финита. Частному лицу на пенсионном содержании тогда вообще ничего не светило, только в имении у себя грибы собирать. Техники ноль, фонари керосиновые, никаких тебе мобильных, GPS и все такое... а о металлодетекторах, которые на золото и серебро настраиваются, о таком даже сам царь-батюшка мечтать не мог... — Он подумал, хлебнул еще пива и задумчиво добавил:

— А насчет того, чтобы озолотиться на книжке, я тебе так скажу... Советы, как стать счастливым и богатым, обычно дают бедные и несчастные люди, чтобы немного заработать и почувствовать себя чуть-чуть счастливее и богаче. — Миша залпом выпил очередную кружку, со стуком поставил пустую посудину. — Настоящим счастливцам и богачам и в голову не придет давать глупые советы: у них и без того много дел — надо тратить деньги и наслаждаться счастьем...

Глаза Лешего потеплели, губы чуть заметно дрогнули, что означало улыбку и расположение, но определить это могли только близкие люди. Точнее, один человек — Хорь.

— Да ты философ!

Не обращая внимания на подначку, Миша похлопал по рюкзаку.

— Ну, есть тут тридцать два листа калек с картированными подземельями. И город в том же масштабе, это специально, чтобы накладывать их друг на друга. И как тут разбогатеешь? За двести лет и наверху, и внизу все изменилось. Город другой, подземелья — другие. К чему привязываться? Не к чему. Какая тогда от «Описей» польза? Кто часто ходит, у того более реальные схемы есть. Не так, что ли? Ты это лучше меня знаешь. Ведь ты — Леший?

Леший молча смотрел на собеседника своим обычным взглядом.

— Я о тебе много слышал и на портрет твой налюбоваться успел, — Миша кивнул на «Доску Почета». — Мне говорили, ты честный парень...

— И что? — спросил Леший. — Тебе-то какой от всего этого толк?

— Такой, — сверкнул зубами Миша. — Может, «закинемся» как-нибудь вместе, покажешь мне, что тут и как... Я как раз хотел задержаться на пару месяцев, осмотреться...